

УДК 93/94

ПОЗИЦИЯ МОГИЛЁВСКОГО ПРАВОСЛАВНОГО ДУХОВЕНСТВА
ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ 1812 ГОДА

Литвиновская Ю.И.

Учреждение образования «Белорусский государственный университет
информатики и радиоэлектроники»
(г. Минск, Республика Беларусь)

Аннотация: В статье анализируется ситуация, сложившаяся в Могилёвской православной епархии во время войны 1812 г., когда в результате бездействия гражданских и церковных властей большинство православных служителей культа оказались на занятой французскими войсками территории и затем вынуждены были присягнуть на верность императору Наполеону. Опираясь на богатый документальный материал — воспоминания участников событий автор объясняет причины и последствия этого явления.

Ключевые слова: архиепископ, духовенство, консистория, Варлаам, присяга, монастырь, Могилёв.

Summary: The article analyzes the situation in the Mogilev Orthodox diocese during the war of 1812, when, as a result of inaction of civil and Church authorities, the majority of Orthodox Ministers of the cult found themselves on the territory occupied by French troops and then had to swear allegiance to Emperor Napoleon. Based on the rich documentary material — memories of the participants of the events, the author explains the causes and consequences of this phenomenon.

Keywords: the Archbishop, the clergy, the Consistory, Varlaam, the oath, monastery, Mogilev.

Отступление русских войск летом 1812 г. и вероятность занятия Могилёва французскими войсками вызывало состояние тревоги гражданских властей города. Однако, в губернском центре царила странная неразбериха. Полная неосведомлённость о военной ситуации, оптимистическая информация поступавшая от командующего 2-я Западной армией князя П.И. Багратиона привела к тому, что Могилёвский гражданский губернатор граф Д.А. Толстой находился в полной растерянности. Слабовольный и нерешительный, он боялся без санкции военного руководства разрешить выезд из города должностным лицам. А чтобы не было самовольных попыток, губернатор распорядился выставить охрану на Луполовском мосту, связывающем днепровские берега [6, т. 2, с. LXXIX].

Сам же могилевский губернатор тоже оставался в городе буквально до последней минуты. «Губернатор могилевский граф Толстой, — пишет иеромонах, игумен Орест, — был в городе до того времени, как авангард (французский. — Ю.Л.) начал к самому городу приступать, и едва успел на дрожках убежать из города по Быховскому тракту; и видя за собою французскую погоню, принужден был, соскоча с дрожек, бежать пешком по болотным тропинкам и едва возмог спастись» [6, т. 2, с. LXXIX–LXXX].

Граф Толстой не мог даже вывезти своего малолетнего сына, который под чужим именем находился в доме одного священника вплоть до освобождения Могилёва в ноябре 1812 г. [6, т. 5, с. 443].

Главе Могилёвской православной епархии архиепископу Варлааму также было категорически запрещено покидать Могилёв. Варлаам Шишаций у руководства Могилевской епархии появился в декабре 1805 г. 23 марта (4 апреля) 1808 г. он был возведен в сан архиепископа [2, с. 234; 6, т. 5, с. 105]. К этому времени ему было 59 лет (он родился в 1750 г. в селе Красиловка,

Козелецкого уезда Черниговской губернии) из которых более 30 было отдано служению церкви на различных должностях, после того как в 1776 г. профессор Переяславской семинарии Григорий Шишацкий принял монашество под именем Варлаам. [2, 233; 6, т. 5, с. 104].

В церковных кругах он был известен своею ученостью и богословскими познаниями, «был предан святительскому своему долгу, не общителен с гражданскими властями губернии и потому многим из них был не по сердцу и прежде всего губернатору графу Дмитрию Александровичу Толстому» [5, с. 445–448]. Вынужденный остаться, архиепископ впоследствии выказывал большую обиду на губернское руководство, которое «... местного своего архиерея предохранить не захотело» [1, с. 230]. Но в свою очередь архиепископ так же поступил и по отношению к своим подчинённым. «Я остаюсь и вам всем оставаться», — заявил он священнослужителям и никому не выдавал необходимых в таком случае паспортов. В результате в момент вступления французских войск в губернский город практически всё руководство епархии — члены духовной консистории, все церковнослужители различных рангов оказались на оккупированной территории.

Войска маршала Л.Н. Даву вступили в Могилёв 8(20) июля, а 14(26) июля служители всех конфессий принесли присягу на верность императору французов. В дореволюционной российской историографии это событие получило название «могилёвской церковной смуты» [6, т. 2, с. LXXXII]. Впоследствии православные церковнослужители вынуждены были объяснять свои действия специальной комиссии Синода.

Протоиерей Иоанн Стратанович в своем объяснении впоследствии писал, что когда войска неприятеля вплотную приблизились к городу он предпринял попытку выбраться из Могилёва. «... В какое время, когда все светские чиновники начали выезжать из Могилёва то и я как можно поспешнее пошел в консисторию для взятия паспорта, где сыскав другого присутствующаго протоиерея Иоанна Вансевича и секретаря, идущаго к архипастырю...

Но архипастырь, не веря никакой опасности, продержал у себя секретаря не малое время, отпустив без всякой решимости. После мы ходили к архипастырю сами вместе с секретарем, прося его со слезами об увольнении нас, но и тут ничего решительного не получили».

И. Стратанович попытался уйти из города без паспорта, но на мосту через Днепр уже стояли французские караулы. Вечером того же дня он «хотел бежать с здешним второй гильдии купцом Николаем Торчковым, но по причине частых разставленных французами пикетов, видя невозможность пройти, опять воротился...». Выйти из города в крестьянской одежде ему также не удалось [3, с. 426].

После вступления в Могилёв французских войск, по распоряжению маршала Даву в городе была создана «временная комиссия правящая гражданской частью по губернии Могилёвской».

13(25) июля архиепископ получил предписание комиссии 14(26) июля в местной православной церкви совместного с могилёвским духовенством,

дворянством и представителями других сословий православного вероисповедания «учинить присягу на верность французскому императору и италийскому королю великому Наполеону, и совершить самим лично, яко первенствующему архипастырю губернии Могилёвской божественную литургию, поминая отныне в оной, как равно и в благодарственном ко Всевышнему молебствии, вместо императора Александра — французского императора и италийского короля великого Наполеона» [4, с. 49]. Архиепископу также вменялось в обязанность провести подобные мероприятия во всех приходах епархии, о чем «послать от себя повеления» [1, с. 49].

В прилагавшейся к подписанию тексте присяги говорилось: «Я, нижепоименованный, клянусь всемогущим Богам в том, что установленному правительству от его императорского величества французского императора и италийского короля Наполеона, имею быть верным и все повеления его исполнять и дабы исполнены были стараться буду» [4, с. 50].

В тот же день, 14(26) июля 1812 г., Варлаам распорядился: «Для достодожного по сему исполнению учинить со всею поспешностью всем подчинённым местам и лицам подобные предписания, а в комиссию ответное изготовить» [4, с. 51].

Касаясь присяги, принесённой под давлением Варлаама могилёвским духовенством один из участников событий И. Носович писал «Ни сам Наполеон, ни маршал Даву, не имели ни малейшей надобности требовать от архиепископа Варлаама со всем его духовенством, ни от католического даже духовенства присяги. Но это всё была проделка поляков. Они сделали это для того чтобы православные священники, колебленные присягаю, не внушали ... во время войны и безначалия своим прихожанам восстать против помещиков латинского исповедания истребить их до конца» [5, с. 447].

В то же время член могилёвской консистории игумен Орест, пишет о том, что после получения 13(25) мая из временной комиссии, по управлению гражданской частью Могилёвской губернии указания о принесении присяги Наполеону архиепископ Варлаам принял решение только «... побыв (14(26) июля. — Ю.Л.) наперёд с консисторскими членами у маршала Даву, который и словесно повелел, дабы непременно учинена была присяга французскому императору Наполеону Бонапарту» [6, т. 2, с. LXXXI].

Далеко не все в окружении архиепископа поддерживали решение о принесении присяги Наполеону. Тот же Орест пишет, например, что секретарь консистории коллежский асессор Осип Демьянович «... уговаривал его не соглашаться на учинение присяги до времени, поелику французы ещё несовершенно завладели Белорусскою странюю, что такое отношение временной комиссии к нему архиерею последовало по недоброжелательству к Русскому духовенству Могилевских католиков, ... что ещё опасно присягать французам (в случае если опять Белоруссия будет под державою Российской, то в то время мы судимы будем); то архиерей сказал секретарю: «ты думаешь, что Россия будет благополучна; ну пусть будет Россия благополучна, а я в то время буду один несчастлив. Я велю присягать» [6, т. 2, с. LXXXVIII].

Распоряжение архиепископа касалось «о учинении присяги на верность французскому императору и италийскому королю великому Наполеону, как самим его высокопреосвященством (Варлаамом, епископом витебским и могилёвским. — Ю.Л.), так и во всех по епархии приходах Могилёвской губернии, и о воспоминании впредь при священно-служениях и благодарственном ко Всевышнему молебствии, вместо императора Александра, французского императора и италийского короля великого Наполеона» [4, с. 51].

Приведение к присяге Наполеону согласно предписанию консистории следовало провести по всей губернии «... по отправлении в здешнем кафедральном соборе его высокопреосвященством божественной литургии и за учинением всем духовенством и прочим народом присяги и по отпетии, наконец, благодарственного молебствия» [4, с. 51].

Принесение присяги должно было проходить в присутствии светского чиновника, который удостоверял своей подписью присяжный лист. Архиепископ требовал чтобы «... о исполнении того рапортовано было консистории». Консистория же должна была «... ответное от его высокопреосвященства отношения ... в показанную комиссию изготовить», т.е. регулярно информировать о ходе проведения присяги временную комиссию, правящей гражданскою частью по Могилевской губернии [4, с. 51].

20 июля (1 августа) Варлаам требует от подчинённых подробного отчёта о ходе выполнения постановления временной комиссии о принятии присяги, «а какое, впрочем, соответственно оному отношению исполнение где учинено, о том мне зараз донести письменно» [4, с. 57].

Спустя два дня, подведя итоги, могилёвская консистория приняла специальное «Определение». Из него видно, что процесс «учинения присяги» продвигается не так быстро, как хотелось бы архиепископу: «... не только из отдаленных мест и ведомств не прислано доселе о исполнении того предписания рапортов, но даже нет такового и от здешняго Могилёво-Братского монастыря архимандрита Иоасафа с братиею» [4, с. 57].

Консистория принимает решение направить «в подчинённые места» вторичное предписание «чтобы они о исполнении того рапортовали зараз консистории, с показанием кому или куда они присяжный свой лист по светской части доставили?» [4, с. 57].

Нельзя сказать чтобы служители церкви с энтузиазмом встретили данное распоряжение. Многие пытались вести себя осторожно. Весьма показательны в этом плане, например, действия настоятеля крупнейших в епархии Могилёво-Братского и Буйницкого монастырей архимандрита Иоасафа.

Во время проведения в декабре 1812 г. следствия он представил, члену Синода рязанскому архиепископу Феофилакту Зарайскому 31 декабря 1812 г. пространное «Доношение» в котором подробно описал все свои злоключения в период пребывания в городе войск неприятеля. Иоасаф пишет, что «не успев ... куда либо удалиться, остался в прописанном Буйницком монастыре» [4, с. 413].

После того как монастырь подвергся разграблению 10(22) июля Иоасаф отправился в Могилёво-Братский монастырь, но по дороге был сильно избит

солдатами за то что отказался вернуться назад в Буйницкий монастырь и принять присягу. В Могилёво-Братском монастыре Иоасаф также попытался не подписывать присяжный лист, заявив полицейскому чиновнику, что «когда архипастырь присягу учинит, то нам и не нужно чинить оныя». Под различными предлогами — болезнь, отсутствие светского чиновника (его присутствие было обязательным при принесении присяги) Иоасафу и монахам больше месяца удавалось уклоняться от подписания присяжного листа.

15(27) августа в монастырь пришло четвертое предписание консистории «... не ожидая кого либо для приведения к присяге (имеется в виду представителя светской власти. — Ю.Л.) учинить таковую ... и о исполнении рапортовать...» [4, с. 415]. «Итак, я, не находя средств, по причине связавшей меня болезни, избегнуть рапортования о исполнении предписаний, — писал архимандрит Иоасаф, — видя же что и без светского чиновника дозволено учинить присягу, то, не обременяя совести клятвopеcтyплeниeм, принужден был учинение формальной присяги одним подписом присяжного листа выполнить требуемое предписаниями и многократными через нарочных в Буйницкий монастырь присылаемых словесными побуждениями. Каковое подписание и учинил я с братиею Буйницкого монастыря в настоятельской келии, имевши мысль всегда быть верным своему Г.И. Александру 15 августа, и того же числа консистории отрапортовал с объяснением причин медленности. В самой же истине единственная тому причина была нежелание моё чинить таковой [4, с. 415–416].

Что же касается, — писал Иоасаф, — до предписания о воспоминании при священнослужении и благодарственном ко Всевышнему молебствии, вместо Г.И. Александра — Наполеона, то я во все время нашего пленения, за своего Г.И. и за всю высочайшую фамилию, при священнослужениях и всегда молился, а Наполеона никогда не поминал и молебствий за него не служил». [4, с. 418]

Архимандрит представил также все четыре предписания, полученные монахами — первое от 14(27) июля, оно было подписано самим архиепископом; второе — от 22 июля (3 августа) за подписью протоиерея Михаила Богуславского; третье, за той же подписью от 8(21) августа; четвертое от 14(27) августа было подписано иереем Герасимом Пржегоржевским [4, с. 416].

Несмотря на принесение православными священнослужителями присяги на верность французскому императору они не пользовались доверием у католического духовенства Могилёва. Представители католической церкви пристально следили за православными коллегами и при каждом удобном случае направляли доносы во временную комиссию по управлению гражданской частью Могилевской губернии.

Так, 22 июля (3 августа) поступило сообщение от ксендза Кармелитского костёла Маевского о том, что священник Воскресенской церкви Андрей Добровольский якобы «по отправлении сего числа литургии, отправлял молебен, вспоминая во время онаго фамилию Императорского российского двора». Архиепископ Варлаам распорядился «учинить о том строжайшее

разыскание». В соответствии с его распоряжением было решено вызвать «в присутствие как онаго Добровольскаго, так и прочих, кого следовать будет допросить о том по надлежащему» [4, с. 57–58].

Андрей Добровольский смог оправдаться заручившись поддержкой свидетелей. В консистории он заявил, что действительно «как литургию, так после и молебен, отправлял по просьбе прихожанки его, сего числа именинницы, Марьи, по прозванию ему неизвестной, живущей на Поповке, о здравии ея родственников, и как на литургии, так и на молебне, вовсе не вспоминал никого из фамилии Императорского российского двора, а в силу предписания своего начальства, французского императора и италийского короля великого Наполеона» [4, с. 58].

Показания священника подтвердили два мещанина Ефим Барботка и Иван Черныш один из которых во время богослужения выполнял роль дьячка, а другой пономаря. Они также уточнили, что обедню заказывала жена вахмистра уездного казначейства Марья Семёнова. Андрей Добровольский заявил, что «все показал по сущей справедливости, подвергая себя за противное тому строгому суждению» [4, с. 58].

Таким образом, проведённое расследование показало, что донос был ложным. Да и вполне очевидно, что его назначение сводилось к тому, чтобы создать проблемы во взаимоотношениях православной церкви с французскими властями.

Интерес представляет небольшая, но весьма многозначая записка архиепископа Варлаама могилёвской духовной консистории от 10(22) августа. Она свидетельствует о том насколько тщательно французские власти контролировали православного пастыря. Варлаам пишет, что генерал-губернатор требует, чтобы в городе от захода до восхода солнца нигде не звонили колокола, а поэтому «строжайше предписать всему духовенству, в том числе и стоящему при моем доме, чтобы, от времени, как начнет солнце заходить, до времени, пока совершенно взойдет, в колокола отнюдь нигде не звонили, да и в день к литургии и вечерни звонили бы тихо и непродолжительно; в чем и обязать кого следует подписками» [4, с. 91].

Архиепископ также пристально следил за тем, чтобы новые служители культа «при поставлении во священники и диаконы» присягали Наполеону. Игумен Орест пишет, что «член Синода архиепископ Рязанский Феофилакт (осуществлявший следствие в Могилёве. — Ю.Л.) в Могилёвской духовной консистории нашел подлинные ставленнические дела о произведении четырёх в священники и диаконы, кои при сем случае учинили присягу не Российскому Императору Александру, а врагу нашего отечества Наполеону» [6, т. 2, с. XCIV].

Варлаам стремился услужить новой власти не только на религиозном поприще. 22 июля (3 августа) в консисторию из временной комиссии пришла бумага в которой содержался призыв «... дабы крестьяне белорусские повиновались помещикам своим и чинили армии французской в требованиях ея вспомоществования». Архиепископ наложил на неё свою резолюцию

«Исполнить зараз» и велел разослать во все подчиненные консистории учреждения Могилёвской епархии [6, т. 2, с. XCIV].

Такие действия Варлаама свидетельствовали о том, что в среде могилёвского духовенства во время войны 1812 года царили неуверенность в её исходе и растерянность. Поэтому из архиерейской резиденции в подведомственные заведения непрерывно шли напоминания принести присягу и отчитаться об этом перед консисторией. Большинство служителей культа Могилёвской губернии, примерно две трети их состава, всё же подчинились давлению архиепископа [1, с. 226]. Случаи неповиновения были единичны. Царское правительство весьма болезненно восприняло сложившуюся в Могилёвской епархии ситуацию. Расследованием занялся Святейший Синод.

Осенью 1812 г. произошел перелом в войне с Наполеоном. 7(19) октября французская армия оставила Москву. После кровопролитного сражения 12(24) октября у Малоярославца французская армия была вынуждена отступить по разорённой Можайской дороге на Смоленск.

По мере освобождения оккупированных войсками Наполеона губерний Александр I принимает действенные меры по восстановлению там позиций православной церкви.

Литература

1. Акты, документы и материалы для политической и бытовой истории 1812 года; собранные и изданные по поручению его императорского высочества великого князя Михаила Александровича, под ред. К. Военского. — Спб.: Тип-я А.Ф. Штольценбурга, 1912. — Т.3: Белоруссия в 1812 году. — X, 10, LIV, 498 с.

2. Брашловский, С.Н. Могилевская церковная смута / С.Н. Брашловский // Исторический вестник, — 1893. — №10. — С. 231–244.

3. Гильтебрандт, Петр. Разстриженный архиепископ Варлаам Шишацкий / П. Гильтебрандт // Древняя и новая Россия. — 1879. — Т. XV, кн. 3. — Декабрь. — С. 586–588.

4. Дубровин, Н. Отечественная война в письмах современников (1812–1815 г.) / Н. Дубровин. — Санкт-Петербург, 1882. — 691 с.

5. Дубровин, Н. Русская жизнь в начале XIX века / Г. Дубровин // Русская старина, 1902. — Т. 112. — С. 417–450.

6. Записки игумена Ореста // Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси, издаваемый при управлении Виленского учебного округа: В 14 т. — Вильна: Печатня губ. правл-я, 1867. — Т. 2. — Приложение. — С. I–СII; Т. 5. — Вильна: Тип-я А.Г. Сыркина, 1871. — С. 71–130.